

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн серии *С. Прохоровой*

Художественное оформление *К. Гусарева*

Д18 Данилова, Анна Васильевна.
Вспомни обо мне / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-100656-3

Для Михаила Нольде жизнь началась в тот момент, когда он увидел Веру Концевич — одинокую, несчастную, случайно совершившую преступление. За несколько часов они стали так близки, как будто знали друг друга всю жизнь. А на следующий день Вера умерла. Михаил остался наедине со своей трагедией и с доверенной ему тайной любимой женщины. Но прошлое требует справедливости... и возмездия. Есть те, кто готов отомстить за смерть Веры Концевич...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100656-3

© Данилова А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Из дневника Анатолия Концевича

«Мне всего сорок два года, но я в последнее время чувствую себя самым настоящим стариком, и нервы — ни к черту... Знакомые считают, что я сильно сдал. И это действительно так. Я и сам чувствую, что я уже не такой, как прежде. Хотя я ведь и раньше никогда не чувствовал себя по-настоящему молодым, то есть жизнерадостным, энергичным, веселым... Последнее слово и вовсе вызывает у меня недоумение. Что значит — веселый человек? И как вообще можно быть веселым, если жизнь так неинтересна, скучна, безрадостна и даже опасна...

Вот написал все это и еще страшнее стало. Не понимаю, что со мной происходит и почему я должен чего-то бояться... Ведь это же был только сон. Да, мне только приснилось, будто бы ночью кто-то проник ко мне в квартиру, кто-то в черном, и это был, конечно, человек, вероятнее всего, мужчина... Лица я не видел. Но этот человек, едва переступив порог спальни, набросился на меня, спящего... Спрашивается,

каким образом я мог видеть его, раз спал? Да я и сам толком теперь не знаю, как все это было, да и как вообще можно разобраться в снах, особенно в предутренних, тяжелых, от которых дух захватывает и ты просыпаешься в холодном поту... Холодный пот. Липкий. Густой. Он просто катится по лицу, и ты чувствуешь себя глубоко несчастным, одиноким, брошенным и абсолютно никому не нужным...

Так вот, этот сон показался мне совсем реальностью. И этот человек с сильными и тонкими пальцами душил меня. Я от страха, как мне кажется, даже поседел. Хотя и до этого был уже наполовину седой. Но это меня, по мнению знакомых женщин, не портит. Даже наоборот — делает привлекательным. Только мне непонятно, что может быть привлекательного в серебристых прядях... Но им, женщинам, виднее...

Я не старик, нет. Но очень скоро стану им, если не пойму, что со мной происходит и чего я боюсь. Главное, я знаю, когда все это началось...

Однажды вечером в моей квартире раздался телефонный звонок, это был Леня, он звонил из ресторана и сказал, что видит перед собой, за соседним столиком, мою жену. И все бы ничего, если бы она не умерла три года тому назад...»

2

Анатолий Концевич уже и сам не знал, как относится к своей свободе. Будучи женатым, он нередко мечтал о том, чтобы в квартире было тихо и спокойно и чтобы вещь, оставленная им на каком-то конкретном месте, дожидалась его, а не исчезала в неизвестном направлении... У женщин свои представления о порядке, о комфорте, о том, каким должен быть дом и как и где должны лежать вещи. И когда умерла Вера, в квартире стало очень тихо, так тихо, что ломило в ушах и хотелось как-то нарушить тишину, позвать, к примеру, Веру, попросить принести воды или сигареты... И хотя Веры не было, он представлял себе, что она приходит, приносит сигареты и садится сама рядышком, смотрит, как он закуривает... Потом, спохватываясь, бежит на кухню — за чистой и сухой большой хрустальной пепельницей. Ему казалось, что она любила его. Иначе не стала бы терпеть его тяжелый характер, его вечные придирки, затяжную (по мнению многих, кто знал его) задумчивость, которая была сродни невежливости, невнимательности к окружающим... Он знал за собой великое множество недостатков, которые были явными, очевидными, но Вера воспринимала их с легкостью, словно не за-

мечала. Иногда Анатолию казалось, что она ведет себя так терпимо по отношению к нему исключительно по одной причине — она дорожила их браком, намаялась одна, без мужа, и теперь, грубо говоря, держалась за него, прощая ему все...

Хотя, с другой стороны, ну чего уж такого она ему прощала? Он не изменял ей, приносил в дом деньги, был спокоен и вежлив, даже учтив, дарил ей подарки, цветы... Конечно, многому он научился, читая втайне от жены женские журналы, чтобы понять, что же надо им, этим милым существам, от мужчин, чего ждет от него Вера.

А что касается быта, то мало у кого нет вредных привычек... К примеру, он постоянно искал свои домашние тапки. И находил, как правило, под письменным столом, в темных углах, возле стены, и за ними всегда приходилось лезть... Конечно, зрелище не из эстетичных, это он понимал, но все равно подлезал под стол и шарил руками по гладкому паркету... Еще долго собирался к столу. Вера ждала его, следя за его перемещениями по квартире. Суп остывал, она нервничала, тихо так спрашивала, когда он заглядывал в столовую, скоро ли он, и он отвечал неизменно, что да, он уже идет, вот только, к примеру, сохра-

нит что-то там в компьютере или помоеет руки, или примет лекарство, или переоденется, или польет фикус (подарок подчиненных), или сходит в туалет, или сложит все скопившиеся в корзине в передней газеты в стопку и вынесет в чулан... Он и сам не мог понять, почему так все выходило, что он постоянно запаздывал к столу. Словно оттягивал момент, когда же он наконец успокоится и сядет, возьмет в руки ложку или вилку и примется за еду...

Вера хорошо готовила, и он тихо радовался этому обстоятельству. Ведь женился он как-то стихийно, быстро... Хотя с Верой он был знаком больше двух лет, ухаживал за ней, но вот предложение сделал неожиданно даже для себя, словно кто-то внутри его, уставший от нерешительности, помог ему произнести эти важные и простые слова: Вера, я люблю тебя, выходи за меня замуж. Он к тому времени уже успел познать ее как женщину (она оказалась спокойной, скованной, но готовой раскрыться, довериться мужчине), но вот как хозяйку — нет. Она снимала квартиру, не очень-то любила приглашать его к себе, поэтому узнать, как Вера готовит и насколько она чистоплотна, он не успел. Поэтому тем более было приятно, что она превосходная хозяйка, не ленится, а что касается порядка, то с ее по-

явлением квартира Анатолия стала словно светлее, просторнее, чище, комфортнее...

Да и жили они хорошо, в удовольствие, и Анатолий был уверен, что это и есть любовь и настоящее семейное счастье. Ей исполнилось тридцать лет, а ему тридцать восемь, когда она сказала ему, что забеременела...

...Он приготовил себе два солидных горячих бутерброда с сыром и ветчиной, достал из холодильника холодное пиво, накрыл себе столик возле широкого, мягкого дивана, поставил пепельницу, большую хрустальную, и сел, расслабился... Все, день закончился. Он устал, хочется посмотреть телевизор, поужинать, выпить пива, а потом забраться под одеяло и уснуть. Чтобы утром проснуться, выпить чашку кофе и отправиться к себе на работу, в свой кабинет... Чтобы вечером вернуться домой...

Он вдруг заплакал. Его же никто не видел, а когда он знал, что его никто не видит, он иногда позволял себе плакать. От жалости к себе. Он считал несправедливым, что его, семьянина от природы, бог так наказал неизвестно за что, отняв и жену, и неродившегося ребенка... Так жаль, так жаль, что хоть волком вой... Если бы кто-то, кто его знал, увидел бы

его в эту минуту, то пришел бы в недоумение. У Анатолия Концевича была довольно-таки мужественная внешность. Высокий, суховатый брюнет с крупными чертами лица, пронзительными умными глазами, нервными движениями, от него исходила внутренняя сила, которая подавляла в его подчиненных желание неповиновения, бунта. Его воспринимали как директора, хозяина, сильную личность, которой бесполезно прекословить. Хотя с женщинами, работавшими в его конторе, он зачастую был необычайно нежен, вежлив, с удовольствием делал им к праздникам какие-то милые подарки, которые выбирал сам, выдавал собственноручно маленькие премии, с легкостью отпускал с работы, когда им это было нужно... Он возглавлял небольшую строительную фирму, и дела его вот уже больше десяти лет шли хорошо, если не замечательно... Он мог позволить себе уже многое, но если прежде он все свои желания подчинял будущему (вот родится ребенок, тогда можно будет купить дом на Волге, еще одну машину — для Верочки, новую квартиру в районе Набережной, отправиться путешествовать вдвоем в теплые страны...), то теперь, когда он остался один, и желания как-то сами собой отпали... Хотелось одного — чтобы его конто-

ра продолжала так же стабильно и прибыльно работать, чтобы подчиненные его уважали, а женщины видели в нем сильного мужчину... И еще — чтобы Лариса была с ним поласковее...

...Второй бутерброд он осилить не смог, унес тарелку обратно на кухню. Вернулся в комнату, допил пиво и хотел было уже позвонить Ларисе, своей молоденькой любовнице, чтобы попросить ее приехать прямо сейчас, как замурлыкал мобильный телефон. Леонид. Его самый близкий и преданный друг. Его заместитель. Его жилетка, в которую всегда можно поплакаться и с которым так приятно пропустить рюмку-другую коньячку, поговорить за жизнь...

— Толя? Привет...

Леня был пьян. Анатолий понял это по голосу.

— Здорово, Леонид. Ты где?

Но он и так представлял себе, где в этот час может быть его друг. В ресторане «Европа». Это любимое место Лени Охрименко.

— Там же, где и всегда... — Анатолий услышал, как Леня вздохнул. — Послушай, я хоть и стараюсь не нервничать, но ты, навер-

ное, чувствуешь, что у меня голос не такой, как всегда, да?

Пожалуй, он был прав, Леня. Действительно, он волновался.

— Что случилось? Деньги забыл или опять язва открылась?

— Дурак ты, Концевич... Вечно тебе в голову всякая ерунда лезет... И какого ты обо мне вообще мнения? Считаешь меня алкоголиком?

— Леня, да что с тобой? Все нормально... Ты такой же алкоголик, как и я... Что случилось-то?

— Понимаешь, брат, сижу я сейчас за нашим с тобой столиком, возле окна, ну, ты знаешь, да? И вот. Напротив меня за столиком сидит один молодой хлыст... Вернее, нет, нормальный парень, хорошо одет, между прочим, не пьяный в отличие от меня...

— Ну? — Концевич подумал, что Ларисе он уже не станет звонить. Поздно, да и настроение не очень-то... Все желания, какие были еще четверть часа назад, исчезли. Хотелось только спать...

— А рядом с ним сидит, угадай, кто?

— Леня, ну откуда мне знать, кто... — И вдруг его словно прострелило: — Лара? — И сон сразу исчез. Он зажмурился и распах-

нул глаза, словно впуская сумерки спальни вместе с источающей беду телефонной трубкой. — Лариса?

— Нет. Я не стал бы тебе звонить, если бы увидел Ларку... Я не такой, ты знаешь. Но это Вера.

— Какая еще Вера? — Не успел еще ни о чем подумать Концевич. Имя его жены после ее смерти как-то стерлось из памяти, во всяком случае, оно уже почти ни с кем не ассоциировалось (любопытная и любящая поворшить раны Ларка сказала, что он никогда не любил свою жену, вот дурища!) — имя как имя.

— Толь, ты что? Вера — твоя жена.

— Леня... Может, ты забыл...

— Да нет, ничего я не забыл. Я знаю, брат, что она умерла, я сам был на похоронах... Она лежала в гробу — мертвее не бывает... Но говорю же — я сейчас вижу ее.

— Что, так сильно похожа? — Концевич почувствовал, как кровь прилила к лицу. Что-то нехорошо стало...

— Говорю же — Вера. Точная ее копия.

— Может, у Веры была сестра-близнец?

— Не знаю. Но я не мог тебе не позвонить, сам понимаешь... Ладно, старик, извини, что потревожил... Жаль, что тебя здесь нет, сам увидел бы, оценил... ну просто твоя жена.

И одета так же, я хочу сказать, в ее стиле... Такое платье... вырез... грудь... красотка, как Вера. И губы... Ты вот говорил, что она слишком ярко красит губы, но ты не понимаешь, это красиво, это очень красиво... Губы, как вишни... У тебя была красивая жена. А эта... Если хочешь, приезжай...

Но он знал, что не поедет. Да и глупости все это. Просто Леня выпил...

Они попрощались, Анатолий отключил телефон, вымыл посуду, принял душ и лег спать. Но сна не было. Он лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к шуму дождя за окном (была ранняя весна, холодная, с ветрами, мокрым снегом и дождями), и представлял себе уютный, погруженный в красновато-оранжевый свет, зал ресторана, Леню за столиком, нахально разглядывающего похожую на Веру женщину... Вот черт, надо было спросить про возраст...

3

Из дневника Анатолия Концевича

«И все-таки мне кажется, что я уснул... Этого не могло быть в реальности, просто не могло и все... Этот человек... во всем черном. Он